

УДК 351.85

О.Н. Астафьева

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(Лекции 1–3)**

Аннотация. Анализируются вопросы о понимании сущности культуры и культурной политики как объектах междисциплинарных исследований. Раскрывается содержание культурной политики как особого вида управленческой деятельности. Выявляются принципы взаимозависимости между пониманием культуры в обществе и проводимой государством культурной политикой. Рассматривается вопрос о ее базовых основаниях и механизмах реализации, трансформирующихся под влиянием социокультурных изменений. Особое внимание уделяется раскрытию принципов государственной культурной политики современной России в условиях многокультурности, децентрализации, модернизации.

Ключевые слова: культура, культурная политика, управление в сфере культуры, культурные потребности, ценности, модернизация, культурология

Лекция 1. Культура в контексте культурной политики

Размышления о культуре и культурной политике следует начинать с того, что в принципе речь идет не только о «качественно близких» терминах, но и взаимозависимых пластах идей, лежащих в их основании. Проблемы культурной политики – это проблемы государственного и общественного статуса культуры, и даже те, кто говорит о ее слабости или вовсе отсутствии в современной России, глубоко заблуждаются. Ошибочность подобных утверждений коренится в существующих в обществе широких расхождениях между представлениями о самоценности

культуры как таковой, значении культуры для становления человека, роли и функциях культуры в обществе, наконец, возможностях культуры как фактора, ускоряющего социальные преобразования.

В течение длительного времени вокруг центрального понятия «культура» ведутся серьезные дискуссии. В зависимости от его трактовки и смыслового наполнения культура становится объектом разных областей социального и гуманитарного знания; категорией, вокруг которой выстраиваются концепции и формируются подходы к исследованию мира материальных объектов и символов, ценностей, искусственных порядков и человеческих отношений, именуемого культурой. Методы и подходы к культуре определяют специфику научных школ и направлений, в рамках которых изучается мир культуры. Среди них и получившие всеобщее признание – философско-антропологический, деятельностный, системный, аксиологический и др. подходы. Однако не менее очевидно и то, что становление многих школ, несмотря на значимость достигнутых в их рамках научных результатов, активно продолжается. К таким школам могут быть отнесены направления, развивающие методологию семиотического, феноменологического, синергетического, социокультурного и других подходов к исследованию сущности культуры и процессов, в ней происходящих.

Так, в работах многих отечественных философов культура понимается как способ существования и форма собственно человеческого бытия, а не частная сфера жизни человечества¹. Культура – это все то, что «создается человеком и при этом само создает человека, производит сам феномен человечности», – подчеркивает М.Н. Эпштейн². В размышлениях о культуре В.М. Межуев связывает ее сущность с производством самого человека во всем богатстве и многогранности его общественных связей и отношений, во всей целостности его бытия, полагая, что только в процессе самотворчества человека бытие ему открывается и им создается, причем во все более универсальном масштабе. «Бытие всегда в потенции, в становлении, в преодолении наличного. Оно не то, что можно открыть в себе в качестве уже существующего, но только ускользающего от сознания, а что необходимо еще создать, что всегда впереди, а не позади. Движение к нему и есть культура. <...> Нигилизм в отношении культуры – путь назад, культура – всегда движение вперед»³.

Таким образом, культура – «это не то, что можно непосредственно наблюдать в действительности, а то, что мы выделяем в ней в качестве чего-то для нас важного и ценного»⁴, в силу чего каждая эпоха постоянно воспроизводит и решает в истории мысли проблему культуры. Кроме того, ее изучение усложняется еще и не только в связи с сохранением у теоретиков и практиков разных представлений о культуре, но и с характером решаемых ими задач. Одно дело – пытаться человеку понять весь мир во всем его культурном многообразии, постичь закономерности социокультурных изменений, и другое – быть субъектом, осуществляющим регулирование этих сложнейших процессов, будучи включенным в структурно-функциональные рамки системы социального управления.

При широком понимании культуры такие области человеческой практики как наука, образование, экономика, философия, искусство, литература, политика выступают уже не частными областями деятельности людей, включенными в систему отношений разного уровня, а «бесспорными компонентами культуры, поскольку они создаются человечеством для самосознания и преобразования человечества»⁵. Отсюда признание безграничных возможностей культуры как самоорганизующейся системы и ее интегративного мощного потенциала для социума.

Культура предоставляет всему обществу, социальным группам, а также каждому человеку нормированные способы организации поведения, регуляции взаимодействия, формирования оценок и самоидентичности, т.е. осознания себя членами своего общесоциального, группового и индивидуального «Я», маркирования себя и окружения самобытными ценностно-символическими формами. Вместе с тем культура заключает в себе исторические механизмы самоадаптации общества к меняющейся среде, которые позволяют активизировать социальную практику, оставлять в прошлом отжившие традиции, утверждая вместо них новые поведенческие нормы и духовные ценности⁶. Таким образом, культура выполняет в обществе множество социально значимых функций. Помимо адаптационной, коммуникативной, регулятивной, интегративной и других функций, не менее значимой выступает и познавательная функция «осмысления действительности». Культура – это не только система ценностей, регулирующая всю жизнедеятельность человека, но и уникальный социокультурный опыт хозяйствования, традиции воспитания и образования. В целом, *образ жизни*, а также целостная, многоуровневая система представлений о мире и его взаимосвязях, особый склад художественно-образного мировосприятия мира и пр., передаваемая от одного поколения к другому и сохраняющая одновременно устойчивость в больших исторических масштабах, но и допускающая изменчивость, «картина мира».

Какова современная культура, удастся ли ей обеспечить людей системой гуманистических смыслов для ориентации в быстро изменяющемся мире? Возможно ли сегодня человеку, включенному в динамику и ритмы социокультурных изменений, найти устойчивые ценностно-смысловые основания для выбора модели самореализации в мире, определяемом концептами «полицелостность» и «сверхсложность»? В «многокультурном» мире, где «образцы разных национальных культур органично перемешиваются в повседневном быту и постепенно начинают восприниматься как наши», где «человек подсознательно проявляет равное уважение и доверие ко всем национальным культурам, опредмеченные тексты которых он принимает в свой оборот»⁷.

Подобные вопросы закономерны. Столь сложного совмещения традиционного и новаторского, такой «плюрализации» бытия – сосуществования в едином пространстве/времени разнообразных норм и ценностей, артефактов, образцов отношений, стилей и образов жизни, человечество в своей истории еще не знало. Это позволяет нам предположить, что общие характеристики современной культуры отражают лишь «часть айсберга», не вмещааясь в узкие рамки даже такого широкого понятия, как «постмодернистский эклектизм». В реальности и оно

обнаруживает лишь внешнюю «оболочку» культуры, не раскрывая и малой части внутренних процессов саморазвития культуры.

Действительно, у каждой эпохи/цивилизации собственные основания для расширения пространства культуры. Динамика социальных и культурных изменений формирует новый мировой ландшафт, пронизанный коммуникациями, характеризующийся мобильностью населения, связанной, прежде всего, с активизацией рыночных механизмов, включенностью людей в культурные и социальные преобразования, поисками форм взаимодействия в условиях культурного многообразия, механизмов сдерживания экологического кризиса.

Основными направлениями развития современного глобализационного этапа выступают интенсификация межкультурных коммуникаций, информатизация, виртуализация и медиатизация среды, а основными характеристиками становятся не только «стандартизация» и «унификация», но одновременно «многообразие» и «множественность», вокруг которых и есть смысл разворачивать научно-теоретические и научно-практические дискуссии о настоящем (реально существующем) и будущем (потенциально возможном) культуры. Одним из центральных в понимании сущности современной культуры становится информационно-коммуникативный фактор и постоянно обновляющаяся, в результате интенсивного освоения людьми новых средств связи и коммуникационных технологий, социокультурная среда – адекватная процессам «уплотнения» и «сжатия» мира. Не менее значимой проблемой выступает отношение к культурному разнообразию в условиях глобализации культуры. Трактовка этой новой ситуации не может быть дана в концепции культурной политики вне учета актуализирующихся проблем. Среди центральных вопросов, на которые требуются ответы, можно выделить следующие.

- Как сохранить этнокультурную самобытность, стабильность и социальное единство?
- Каковы перспективы национальной культурной идентичности?
- На каких критериях выстраивать межкультурный диалог?
- Как научить современных людей к совместному сосуществованию на принципах толерантности, проявлению взаимного уважения для сохранения культурного разнообразия в мире?
- Какова, в целом, роль культуры в современном мире, во многом ориентированном на технологические преобразования в социуме, переживающем серьезные экономические потрясения?

Ресурсы культуры поистине неисчерпаемы и это со всей очевидностью проступает в сложные периоды социального развития. Возможности культуры раскрываются в переходные этапы и самые кризисные ситуации социального развития, когда общество в большей степени уповает на политические и экономические силы. На деле же, «при удержании в фокусе внимания таких объектов, как самоорганизующаяся экономика и, более широко, общественный организм в целом, нашу культуру допустимо сравнивать с фактором слабого, подчас исчезающего малого воздействия.

Однако же – и в этом парадокс теории “слабых сигналов” – если большие системы находятся в неустойчивом состоянии (а наша экономика и общественная жизнь стабилизируются не завтра), то они, эти системы, более восприимчивы именно к слабым воздействиям <...>

Присмотримся к роли культуры в переходную эпоху! Отнюдь не абстрактная культурологическая проблема. Особенно, если задуматься, что может сыграть роль “слабых сигналов”, когда в качестве макросистемы рассматривается сама культура...»⁸.

Такой взгляд на роль культуры в общественных преобразованиях не может рассматриваться как частная точка зрения одного из отечественных культурологов. Тем не менее, социальная практика свидетельствует об обратном. Происходит это, прежде всего, в силу сложившейся в нашей стране исторической традиции понимания культуры как одной из социальных сфер, в которой осуществляется воспроизводство особого сегмента культуры – художественной культуры, культурных благ, товаров и услуг. В таком прочтении «управление сферой культуры» закрепляется в определенной ведомственной ветви, функционирующей на разных уровнях власти. «Ведомственное» понимание и вытекающее из него отношение к культуре проявлялось в разные периоды истории в социальном, экономическом, идеологическом и политическом детерминизме, что сдерживало саморазвитие культуры в обществе, мешало процессу творческой самореализации человека.

В ходе демократических преобразований и административных реформ двух последних десятилетий в культуре произошли позитивные перемены, однако в целом сохранилось «узкое» понимание культуры как сферы и отрасли (что имеет соответствующее закрепление в законодательно-правовой базе государства). Какой смысл заключен в понятие «культура» в рамках этого теоретического подхода?

При ведомственном (отраслевом) подходе культура не исследуется как культура, созидаящая собственные эффекты реальности, формируемые в результате дискурсивных практик (в духе М.Фуко), и не рассматривается как система норм и ценностей, регулирующих взаимоотношения индивидов в социуме посредством системы социокультурных институтов (по П. Сорокину).

Культура выступает системой исключительно специализированных видов деятельности, в целом – художественного творчества, поэтому проблема регулирования этих процессов становится центральной для Министерства культуры и его подведомственных структур, в то время как ценностно-смысловые основания культурной политики уходят на второй план. Концептуальные обоснования тенденций и динамики социокультурного развития уступают место ориентациям «на эффективность и полезность» культуры, часто подменяются погоней за «практическим результатом» – порой даже малозначимым для общества в перспективе, но весьма эффективным по решению проектам и программам «здесь и сейчас».

Таким образом, между теоретическими моделями и практическими возможностями их реализации на практике существует разрыв, что серьезным образом сказывается на динамике социокультурных процессов в российском обществе. На наш взгляд, преодоление так называемого ведомственного, отраслевого подхода к культуре предполагает разработку новой стратегии культурной политики. Однако такое решение не отражает всей сложности и глубины проблемы.

Только на первый взгляд очевидны преимущества одного и слабость, уязвимость другого методологического подхода. Вообще с подобным противопоставлением – широким пониманием культуры и ее узкопрактической трактовкой – трудно согласиться. Скорее речь идет о двух *разных по масштабу управленческих решениях*, так как эти два уровня понимания культуры отражают ее целостность. Более того, в реальной жизни они поддерживают друг друга, способствуя воспроизводству культуры в обществе.

Таким образом, подчеркнем, что *согласование высоких целей и конкретных практических задач соответствует сложности социокультурного пространства* и направлено на поддержание его целостности.

Конечно, определенные трудности возникают в связи с проблемой «управления культурой», так как речь идет о необходимости разработки особого «управленческого алгоритма», позволяющего учитывать специфику культуры, сущностными характеристика которой являются свобода и творчество. Ведь, с одной стороны, культура как самоорганизующаяся система воспроизводит креативную (нелинейную, неустойчивую, нестабильную) среду, в которой осуществляется смена инновационных обновлений и становление традиций. С другой стороны, управление как рациональная деятельность, осуществляемая разными субъектами, принимающими на себя обязанности и ответственность за типы, формы и способы коммуникационной активности, за развитие и риски, за результаты взаимодействия осуществляется в динамичной социальной среде, в контексте культурно-цивилизационных изменений.

Для нынешнего века, насыщенного глобальными вызовами и проблемами, характеризующимся изменением роли государств, взаимозависимостью народов и их культур, значение философских оснований для соединения теории и практики, мышления и действия, познания реальности и проектирования будущего повышается⁹. При этом повышается и ответственность государства за избираемую стратегию, за ценностно-смысловые основания, которые определяют ориентиры культурной политики как одного из видов стратегической управленческой деятельности. Думается, что креативность подходов, технологий и практик к реализации той или иной модели культурной политики во многом зависит от достижения синергии самоорганизационных творческих возможностей субъектов управления и навыками управленческой деятельности – концептуально-технологическим и инструментально-технологическим уровнями стратегического управления, в частности. Инновационность принципов культурной политики проявляется, в том числе в предлагаемых подходах к использованию ее инструментов (правовом, экономическом, организационно-управленческом, информационном, коммуникативном и др.), в умении достигать синергического эффекта в условиях нестабильности среды и ограниченных ресурсов.

Изменяющийся мир инициирует поиски новых концептуальных линий, связанных с необходимостью перехода России к новой парадигме развития. Вполне закономерны ориентиры на согласованность успехов экономического развития страны и уровня культурных благ и услуг,

потребляемых ее населением, их доступности. На наш взгляд, наступило время, когда необходимо ставить и обсуждать вопросы о социокультурном измерении происходящих реформ, о важности продвижения России по направлению к культуроцентризму, в котором центральными являются идеи гуманистической направленности на развитие, сбалансированное между политическими, экономическими и культурными целями.

Речь не идет о новых формах социального детерминизма или жесткой идеологической конструкции. Скорее, о ценностно-смысловых параметрах порядка в социуме, повышающих значимость в общественном развитии культуры, которое меняет отношение к ней в целом и создает основания для наращивания в стране «культурного капитала», для распространения позитивных социокультурных практик.

Таким образом, концептуальное обновление современной культурной политики России базируется на стремлении общества к расширению смысла понятия «культура» на желании раскрыть истинные возможности культуры в социальном развитии. Заметим, это нашло отражение в обсуждаемом законопроекте Российской Федерации «О культуре», где предложено под понятием «культура» понимать «совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящих выражение в образе жизни, искусстве и литературе». С одной стороны, в этом комплексном определении очевидно желание законодателей преодолеть рамки «узковедомственного» подхода, что концептуально соответствует трактовке понятия «культура» в международных документах ЮНЕСКО. С другой стороны, предлагаемая трактовка термина отражает их лишь частично, несмотря на то, что и в таком объеме значительно расширяет предмет регулирования. По нашему мнению, «культура» в таком понимании вводится в нашей стране в пространство «культурной политики» впервые, тем самым общество значительно расширяет традиционно понимаемую сферу культуры. Культура обретает в общественном сознании фрактально становящуюся, постоянно изменчивую, уходящую за горизонт «береговую линию». Принципиально важный момент – самооценность и саморазвитие культуры для человека и как ресурс «человечности» выступают целями культурной политики. В свою очередь, культурная политика обретает определенные ценностно-смысловые основания, выразителями которых выступает множество субъектов культурной политики – государство, население, художники, научные и экспертные сообщества и др. В законопроекте они определяются как «культурные сообщества», объединенные общими ценностями, традициями и верованиями. Согласование их интересов и потребностей – одна из стратегических целей культурной политики, которая выстраивается с учетом глубокого понимания происходящих процессов, по результатам проведения социокультурной диагностики, прогнозирования. Без проведения серьезных научных исследований найти оптимальные пути достижения диалога невозможно.

Лекция 2. Культурная политика как объект культурологических исследований

Прошедшие за три последних десятилетия ценностно-смысловые трансформации в духовной культуре, а также перемены, связанные с динамикой социокультурных изменений, расширением условий взаимодействия культур, с возникновением новых культурных форм, свидетельствуют о качественных изменениях принципов создания, фиксации, распространения культуры и культурного опыта. Это не могло не сказаться на внедрении инновационных моделей в систему управления сферой культуры, что в свою очередь привело к отказу от «примитивной рациональности» многих операционально-управленческих решений и переходу к стратегическому управлению, широкому применению проектно-программного подхода, разработке сценариев развития сферы культуры на среднесрочную и многолетнюю перспективу. Фактически, наметился переход к инновационной модели культурной политики.

В условиях интенсивных цивилизационных изменений, развития информационной инфраструктуры и расширения институтов коммуникации, обеспечивающих динамику и плотность культурных потоков в глобализирующемся мире (при не менее очевидной стихийной самоорганизации информационно-коммуникативного пространства) отношение мирового сообщества к проблемам культурной политики существенным образом меняется. Она переносится в эпицентр внимания международных организаций: среди приоритетных направлений ЮНЕСКО – тематика, связанная с разработкой стратегий культурной политики в условиях глобализации, развитием межкультурного диалога, сближением культур при сохранении культурного разнообразия мира. По-иному оценивается роль государства как субъекта управления, осознается необходимость разработки инновационных концепций культурной и информационной политики, которую проводят правительства устоявшихся либерально-демократических национальных государств¹⁰.

Соответственно, что сложность феномена «культура» проецируется и на понимание культурной политики. С точки зрения ученых социально-гуманитарного профиля, культурная политика – объект теоретических исследований, основной целью которых является определение и интерпретация базовых понятий, типологизация моделей, выявление структурно-функциональных взаимосвязей и взаимозависимостей в системе управления сферой и пр. Эта научно-исследовательская линия направлена на формирование *теории культурной политики*, возможной лишь как результат фундаментальных разработок проблематики социокультурной направленности. Таковых пока в российской науке явно недостаточно, если учесть, что проблематика культурной политики была актуализирована лишь во второй половине XX в. Заметим, из этого не следует, что культурная политика – явление новейшей истории. Различные формы целенаправленного влияния на организацию культурной жизни известны со времен Древнего мира. Особенно отчетливо «стратегии» поддержки того или иного вида художественного творчества, определенных направлений в искусстве прослеживаются в деятельности высшей светской власти и церкви,

меценатов, выдающихся личностей – творцов, ученых, политиков. История отечественной культуры раскрывает интереснейшие страницы «регулируемого» социокультурных изменений; позволяет понять смысл тех или иных государственных решений, нередко определяющих путь России в мировое культурное пространство. Многие исследователи поддерживают идеи о культурной политике как целенаправленной деятельности любого государства, обеспечивающей стабильность общества в самые разные исторические периоды. «Государства, более или менее осознанно не проводившего ту или иную культурную политику, в истории человечества не существовало»¹¹ Однако по мнению других культурная политика появилась в Европе в конце XVIII в. и сформировалась как сложное явление, включающее и национальные приоритеты, языковую политику, концептуальное обеспечение организации культурно-просветительных и культурно-досуговых учреждений. Регулирование социокультурной жизни, разработка новых принципов культурной политики привели к утверждению научного подхода к изучению культурной политики и деятельности ее субъектов¹².

В настоящее время культурная политика как объект научного исследования является той областью культурологических исследований, где сопряженность ее междисциплинарного потенциала с теоретическими ресурсами культурологии как интегративного знания о культуре и непосредственным выходом в социальную реальность выступают ее когнитивным потенциалом. По части разработки категории культурной политики культурологией обеспечивается как общий ракурс политики в сфере культуры разных субъектов, так и целостная картина социокультурных изменений. В этом культурологию не может подменить ни одна из дисциплин, «поставляющих» эмпирический (фактологический и информационный) материал. В свою очередь разработка категории культурной политики без учета накопленных в разных науках знаний о культуре, аналитических материалов по тем или иным проблемам культуры, была бы затруднена.

Постановка вопроса о концептуальных расхождениях теории с практикой актуализирует некоторые аспекты проблемы, в разной степени связанные с установившимися взаимоотношениями «лиц, принимающих решение» (управленцев в сфере культуры) с научным сообществом, с отсутствием у власти развитой системы коммуникаций с его особым слоем – экспертов.

В последние десятилетия в системе управления стало распространенным мнение, спорное в своей постановке: между теорией культурной политики и практикой управления сферой культуры образовался огромный разрыв, не позволяющий ученым проникнуть в суть актуальных для разработки проблем, а практикам – понять смысл теоретических изысканий культурологов. Это привело к почти полному разрушению коммуникативного пространства, где в процессе обсуждения и совместных поисков рождались бы эффективные решения, складывались базовые положения теории культурной политики.

Культурологические исследования последних лет отличаются возрастающим разнообразием предлагаемых подходов к анализу культурных политик разных субъектов, большим усложнением и дифференциацией методологических подходов и решений. С одной стороны, это поиски

фундаментальных оснований культурной политики в рамках теории управления, теории самоорганизации, теории модернизации и т.д. С другой стороны, это социально-политические акценты в характеристике культурной политики, базирующейся на идеологических идеях декларативного характера, которые не достигают уровня научных обобщений в разного рода официальных документах. Наконец, опора на философско-культурологические идеи при разработке концепций социокультурного развития. Культурная политика является также объектом пока немногочисленных «культурных исследований» (cultural studies), получивших распространение в зарубежном социально-гуманитарном знании.

Культурная политика как объект прикладной культурологии – это область комплексных разработок, связанных с обоснованием тех или иных законодательно-правовых и финансово-экономических инструментов реализации культурной политики, организационными и управленческими технологиями, позволяющими решать задачи, вытекающие из целевых установок определенных концепций культурной политики.

Практически на всех этапах управленческой деятельности наиболее востребованной оказывается экспертно-аналитическая деятельность культуролога, позволяющая в каждом конкретном случае посредством включения механизма систематизации и научного обобщения соотнести конкретный объект с целями культурной политики, определить его значимость и место в реальной действительности. В подобной ситуации недостаточно быть только известным специалистом и признанным ученым-культурологом. Поскольку стиль мышления меняется достаточно медленно, то деятельность ученого, выполняющего объяснительно-информационную (методологическую) и нормативно-оценочную функции, не свободна от определенных теоретических (и иного рода) установок – факторов, возникающих на основе прошлого опыта и в большей или меньшей степени детерминирующих его деятельность¹³. Для профессионального эксперта центральным в анализируемой ситуации является не выбор между децентрализацией, открытостью, прозрачностью, культурным плюрализмом, равными возможностями, свободой и ответственностью, с одной стороны, и, с другой – рациональностью, эффективностью, результативностью, экономичностью. Главным в этой ситуации является его умение выявить адекватность объекта концептуализированным идеям и возможность будущих последствий рисков, вытекающих из его реализации в социокультурной практике. Подробнее вопросы специфики экспертно-аналитической деятельности рассматриваются в статьях Г.А. Аванесовой, А.В. Агошкова, О.Н. Астафьевой, А.П. Садохина, Е.А. Сайко., В.П.Шестакова и других авторов¹⁴.

Диагностика и экспертиза социокультурной сферы являются направлениями прикладной культурологии, частью управленческой деятельности, направленной на выявление реального состояния сферы культуры, его соответствия состоянию правового, экономического, информационного, технического пространства для ее развития. Проведение же специальных научно-исследовательских разработок, имеющих выход в социокультурную практику, инициирует

появление инновационных идей и выступает основанием для внесения изменений в стратегию культурной политики всех уровней.

По мнению исследователей, «повседневные представления о политике и научные концепции пересекаются: политики говорят то, что хотят слышать люди, и они уверены, что знают истину, так как ученые уже нарисовали им объективную картину общественных настроений»¹⁵. Значит прав М.Фуко, утверждающий, что никто и ничто не может быть вне власти, ибо власть – структурная особенность всех человеческих отношений? Но если власть заинтересована в *объективности и беспристрастности* гуманитарных исследований, то в чем конкретно выражается эта заинтересованность? Размышления М.Фуко на эту тему содержатся в статьях «Субъект и власть» и «Интеллектуал и власть»¹⁶.

Здесь, конечно, важна поддержка государственными структурами управления разных видов *научно-исследовательской и проектной деятельности*, которая должна осуществляться на выше отмеченных принципах отбора предлагаемых для реализации инновационных программ и инициатив, соответствующих целям культурного развития общества и обеспечения доступности культурных ценностей. Будучи стратегическим направлением культурной политики, научное и методологическое сопровождение проектных предложений и программ включает также проведение исследовательской работы, анализ основных тенденций и процессов, с учетом всех ресурсных возможностей социокультурной сферы для их воплощения в жизнь.

Таким образом, инновационный подход к формированию концепции культурной политики, соответствующей идеям демократии и культурного плюрализма, предполагает расширение поля научного поиска, т.е. развитие того пласта прикладной культурологии, который обеспечивает теоретическое обоснование управленческих решений. Тематика исследования этого уровня сконцентрирована на следующих направлениях:

- определение ценностно-смысловых оснований современных концепций и моделей культурной политики;
- исследование информационных ресурсов сферы культуры и информационного контента культурной политики;
- анализ динамики взаимоотношений субъектов культурной политики в условиях социально-экономических изменений («реальность» многосубъектности);
- систематизация и обобщение опыта государственно-частного партнерства; инициативы местных сообществ по развитию территорий и др.);
- изучение организационно-экономических инноваций в сфере культуры (проекты по развитию локальных территорий и местного сообщества;
- разработка предложений по обеспечению качества и доступности культурных благ и услуг на локальном уровне;
- научное сопровождение предпринимательской деятельности в сфере развитие культурного, образовательного, сельского туризма, экотуризма и др.;

- разработка проектов по включению культурного наследия в ресурсную базу в качестве источника социально-экономического развития территорий;
- организация и проведение экспертно-аналитической деятельности.

Таким образом, содержание культурологической деятельности в процессе разработки культурной политики, путей ее формирования и выявления основных направлений отличается многообразием. Если фундаментальная культурология продвигается в направлении создания теории культурной политики, то прикладная культурология в большей степени ориентирована на практический результат. Но одно не исключает другого. Напротив, очевидная взаимообусловленность и неразрывная связь этих уровней, эффективность и полезность такого сопряжения «идей широкого горизонта» и «точного расчета» их внедрения пока не в полной мере осознаны и научным сообществом, и управленческими структурами. В итоге, разрабатывая концептуальные основы государственной политики в сфере культуры, одним из самых серьезных противоречий выступает слабая соотнесенность между концептуально зафиксированными демократическими ценностями и предлагаемыми инструментально-технологическими решениями.

Лекция 3. Государственная культурная политика как стратегическое управление в условиях многосубъектности и децентрализации

Современная культурная политика государства выступает концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам, соответствующим типу государства. Но культурная политика – это не только теоретический конструкт. Оперирование понятием «культурная политика» позволяет перевести ценностно-смысловые основания, определяемые Основным законом страны – Конституцией Российской Федерации, на уровень реалий и конкретных управленческих решений. На основе определенных информационных ценностно-смысловых «параметрах порядка», разрабатываются инструменты и механизмы культурной политики, посредством которых реализуется комплекс разного рода программ и проектов, имеющих стратегическое значение для социокультурного развития страны (региона, локальной территории и т.д.). (Концепция «параметров порядка в культуре» изложена в ряде работ¹⁷.)

Одним из принципов культурной политики демократического государства является свобода выбора ценностей и собственной культурной идентичности, предоставляемая всем гражданам страны. На основе разделения определенных культурных ценностей, желании следовать конкретным социальным и культурным практикам в обществе на основе разделения философии гражданского общества и культурного плюрализма формируются разные социальные группы и субкультурные сообщества, оказывающие определенное влияние на культурную жизнь в стране. Культурная политика перемещается в центр внимания разных субъектов: помимо государства в их число входит бизнес (также весьма диверсифицированный по своим целям и интересам),

общественные группы и политические объединения. Понятие «многосубъектности» культурной политики в России только начинает наполняться реальным смыслом, но говорить о том, что в системе управления в сфере культуры признание самого фактора «многосубъектности» привело к кардинальному пересмотру принципов взаимодействия государства с другими субъектами культурной политики пока преждевременно.

Заметим, провозглашаемая «многосубъектность» не всегда гарантирует следование развитым демократическим нормам, опору на принципы культурного плюрализма, возможности свободного обращения со всем многообразием культурных практик. На наш взгляд, это обусловлено фактическим отсутствием такой концепции культурной политики на уровне государства, сложности, связанные с необходимостью преодоления узко ведомственного подхода к культуре, где соотношение самоорганизации и управления в культуре работало бы на эффективность результата, а «многосубъектность» расширяла пространство для удовлетворения культурных потребностей и творческой самореализации каждого человека.

В современных обществах культурную политику определяет не только «власть» (система государственного управления) и политическая элита, но и художники, потребители, бизнес-сфера, общественные организации и различные объединения. Однако, обобщая отечественный опыт, мы считаем, что число субъектов культурной политики в принципе не может множиться до бесконечности. Поэтому типология, в которой субъекты культурной политики рассматриваются как акторы и агенты культурной политики, представляется нам вполне логичной¹⁸, однако критерии, положенные в ее основания, требуют расширения и дополнительных уточнений.

Действительно, современная Россия характеризуется появлением *новых субъектов культурной политики* (например, бизнес-сообщество), выступающих уже не только от лица отдельных акторов или разрозненных разномасштабных структур, действующих в сфере культуры от случая к случаю, но и представляющих из себя *сложившуюся систему коммуникаций со сложными структурными взаимосвязями, общей стратегией социального поведения, особым типом корпоративной культуры*. Концептуальная разработка ценностно-смысловых оснований для социокультурной деятельности последовательно ведется в общественных объединениях, политических партиях, являющихся носителями определенных групп интересов. Наличие разных «платформ» культурных политик в социокультурном пространстве одной страны предполагает особые подходы к регулированию социокультурных процессов, осуществляемому государством. Это связано с центральной интегративной функцией государства. Соответственно, культурная политика государства, направленная на поддержание культурного разнообразия в стране, одновременно должна способствовать сохранению социокультурной целостности. С этой целью используются механизмы, позволяющие корректировать вызревающие в обществе негативные социокультурные тренды, поддерживать условия для самореализации различных групп и распространения позитивных культурных практик.

Таким образом, государственная культурная политика – это особый *инструмент стратегического управления страны, обеспечивающий ее целостность и раскрывающий перспективы ее социокультурного развития.*

Исходя из выше предложенного нами базового определения, особое внимание обратим на то, что в культурной политике любого государства, в том числе России, имманентно присущи два уровня. Один выражается через стремление к идеальным (оформленным или не оформленным в систему идеологических представлений) ценностно-смысловым и символическим конструкциям, скрепляющим образ бытийности людей в пространстве их совместного проживания. Другой уровень – конкретный, существующий в проекции повседневной реальности сегодняшнего дня, отличающийся высокой степенью самоорганизации и личностного творчества, регулируемый системой институциональных отношений.

Между тем для власти как механизма рационального управления социокультурного процессами важность обеих уровней несомненна. В действующем Положении о Министерстве культуры Российской Федерации это зафиксировано следующим образом:

«Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия, кинематографии, архивного дела, авторского права и смежных прав, а также по нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия (за исключением сферы охраны культурного наследия), кинематографии, архивного дела, авторского права и смежных прав (за исключением нормативно-правового регулирования осуществления контроля и надзора в сфере авторского права и смежных прав) и функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере культуры и кинематографии»¹⁹.

Как следует из данного документа, культурная политика распространяется на сферу культуры, в то время как объемы этой сферы изначально ограничены, ибо она рассматривается как вполне определенная часть социальной сферы.

Очевидные противоречия между этими уровнями еще больше усиливаются, когда система государственного управления, оперируя инструментами культурной политики, путем масштабных социокультурных преобразований пытается кардинальным образом изменить образ жизни людей. С одной стороны, культурные изменения, являясь, по сути, частью общего плана модернизации страны, в масштабе «мега-проекта» любого государства активно поддерживаются населением в тех случаях, когда речь идет о сохранении целостности государства, единства его культурного и языкового пространства. С другой стороны, каждый человек (индивидуально или через социальную группу) реализует свои проекты и собственную жизненную стратегию.

Существует еще один аспект, раскрытие которого позволяет выявить наиболее принципиальные характеристики культурной политики. Речь идет о различении понятий

«культурная политика» и «управление в сфере культуры» (как институционализированной области культурной деятельности). Это связано с тем, что культурная политика государства полифункциональна и включает, в том числе функции разработки и реализации проективно-прогностической стратегии развития культуры в обществе, согласующуюся с духовно-смысловыми ценностями, т.е. с базисными ценностно-символическими представлениями, которые свойственны данному сообществу и составляют основу национально-культурной идентичности.

Управление в сфере культуры в большей степени концентрируется на решении проблемы материальной и финансовой оптимизации. И здесь центральными становятся вопросы социальной результативности. В то время как приоритеты культурной политики – это категории стратегического прогнозирования, планирования и прогнозирования, поэтому их сведение (даже на уровне муниципалитетов) к решению оперативных управленческих задач означает разрушение фундамента концепции социокультурных изменений, что ведет к «устранению» ценностно-смысловых параметров культурной политики, к непониманию целей происходящих преобразований.

Напомним о том, как в результате многолетних реформ 90-х гг. XX в., когда социально-экономические приоритеты отодвинули вопросы культурной жизни и духовного развития на второй план, начало резко изменяться отношение к сфере культуры. Это сказалось, прежде всего, на правовой базе, регулирующей социально-экономические процессы. Специфика сферы культуры попросту игнорировалась, культура перестала фигурировать в официальных материалах как самостоятельная область преобразующей деятельности людей. Такое отношение к культуре прослеживается вплоть до нашего времени. Акцент на актуальность введения в оборот понятий «услуги в сфере культуры», постепенно вытесняющиеся из оборота понятия «культурное благо», «культурный интерес», «культурные потребности личности» позволяют сделать вывод о «размытости» концептуальных оснований государственной культурной политики. Здесь очевидны противоречия, не позволяющие принимать без серьезных уточнений решения, разворачивающиеся в рамках социальной политики. Даже если речь идет об эффективной государственной социальной политике (включающей, как мы уже говорили и сферу культуру), то это только система целенаправленного регулирования социальной сферы со стороны управленческих структур центра, нацеленного на оптимизацию социальных связей в условиях разномасштабных преобразований. Значение культуры в данном случае вновь вторично. При таком понимании роли культуры в общественном развитии она не выполняет своих профильных функций интегратора всей целерациональной деятельности государства: при игнорировании культурных универсалий в управлении невозможно согласование социальных изменений с характеристиками развития отечественной и мировой культуры.

В показателях уровня социального развития факторы культуры представлены через такие параметры как уровень образования, жизненного благосостояния и социального обслуживания, образ жизни и др. Они являются составной частью индекса человеческого развития, качества жизни,

здоровья нации. С точки зрения ценностно-смысловых оснований – это не только идеи о социальной справедливости, об отношении к труду и распределению общественных благ, служения государству, смысложизненные ориентации на создание семьи, но и признание культурного разнообразия, личностного творческого развития и др.

Отождествление двух разных понятий – «культурная политика» и «социальная политика» – путь к подмене целей социокультурного развития вопросами социальной защиты. Необходимо иметь в виду, что если под *культурной политикой* понимаются приемы управления сферой культуры, когда в качестве объекта воздействия этой деятельности выступают профессиональные институты и процессы развития искусства, науки, образования и т.д., то *социальная политика средствами культуры* есть мобилизация на уровне государства усилий и ресурсов сферы культуры на решение актуальных социальных проблем, таких, как освоение новых территорий, регулирование миграционных потоков.

Безусловно, как отмечалось, культурная политика может выступать в своем узком значении – как одно из направлений *социальной политики*. Но тогда нужно иметь в виду, что ее объектом будут не специализированные области культуры, как в первом случае, а *воспроизводство и развитие членов общества, приобщение их к культурному потенциалу, к освоению, передаче и развитию этого потенциала от поколения к поколению через организацию социального взаимодействия*²⁰.

В исследованиях отечественных авторов зачастую понятие «культурная политика» либо заменяет понятие «управление», либо понятие «управление» используется как тождественное понятию «культурная политика». Эти изменения свидетельствуют о расширении границ понимания «культурной политики» как управленческой деятельности, направленной на решение проблемы регулирования социальных и культурных трансформаций. Не случайно, социальную и культурную политику исследователи относят к разновидностям рационально-управленческого фактора динамических изменений в современном обществе, нацеливая ее в условиях модернизации на регулирование социокультурных трансформаций широкого диапазона²¹.

В последнее время, говоря о культурной политике в широком смысле, исследователи стали использовать термин «социокультурная политика». Позитивным в этом случае является сам факт целостного восприятия проблем, связанных с развитием науки, образования, здравоохранения, культуры (как отрасли), СМИ. Анализ такого понимания социокультурной политики свидетельствует, что прежний подход к социокультурной сфере как к непродуктивной области отношений, требующей от государства лишь финансовых затрат, безнадежно утрачивает свое значение. Проведение социокультурной политики предполагает использование ее на тех направлениях социального взаимодействия и культурной практики, где процессы самоорганизации не могут развиваться с полным эффектом для достижения целей регионального развития. Так, безусловно, требуются ответная реакция и целенаправленные политические меры со стороны властей в случае острого столкновения интересов разных этнических или конфессиональных

сообществ, систематического нарушения общественного порядка представителями молодежных неформальных групп и деструктивных субкультур, вовлечения подростков в тоталитарные организации, секты и т.п. Кроме того, масштабные внедренческие проекты, связанные с крупными долгосрочными инвестициями и нацеленные на изменение отдельных сегментов социокультурной практики, например региональной поселенческой среды, или форм организации в малом бизнесе, или начального профессионального образования, или переобучения взрослых, невозможно осуществить без продуманного проектирования, программирования, принятия ряда организационных, административных, а порой и правовых мер.

Следует подчеркнуть, что характер и направленность культурной политики во всех указанных выше случаях должны быть ориентированы на сохранение социокультурных ресурсов территорий и иметь по отношению к ним не разрушительный или ограничивающий, но щадящий характер, направленный на развитие их инновативного потенциала и на его приумножение.

В настоящее время на первый план реформаторской политики выходит трактовка культурной активности людей, их социального взаимодействия как основного источника общественного обновления, как важного фактора социально-экономического развития.

На практике, в условиях многоуровневого управления, возможна и иная, прямо противоположная, ситуация. Высокая степень самостоятельности и творческой инициативы со стороны субъектов культурной политики, предлагающих и реализующих креативные проекты и программы, затрудняют объективную оценку их соответствия национальной модели культурной политики. Здесь требуется экспертная оценка и предложения управленческих технологий, таких как коммуникативные практики партнерства и диалога, ибо речь идет о согласовании в рамках единого государства множества культурных политик. Достичь этого весьма проблематично, но вне этого решить задачу укрепления национально-культурной (коллективной) идентичности россиян не представляется возможным.

Дело в то, что тенденция к децентрализации способствует все большей дифференциации культурной политики и по уровням ее реализации и, следовательно, расширяет возможности сохранения субкультурного и этнонационального разнообразия. Зачастую системы управления не готовы к функционированию в подобной ситуации.

В целом, сегодня уже четко обозначены три уровня культурной политики: федеральный, региональный и муниципальный. Так, на федеральном уровне осуществляются широкомасштабные проекты и программы (федеральные целевые программы), которые отвечают общенациональным стратегическим целям. Можно также говорить о многообразии региональных культурных политик по отдельным направлениям развития социокультурной сферы. Наконец, по мере развития институтов гражданского общества и демократических принципов все отчетливее вырисовывается потенциал муниципального уровня культурной политики (так называемый, локальный, местный уровень). Все они различаются по масштабам и перспективам, целям и задачам, возможностями их реализации. Принципиальным является решения вопроса об участии государства, органов власти и

общества в проведении культурных политик, соотношении самоорганизации и управления в культурной сфере, так как самостоятельность всех уровней власти расширяет возможности проведения собственной линии социокультурного развития. При этом многосубъектность культурной политики способствует снижению давления (разных форм проявления детерминизма) на культуру со стороны других социальных систем, ибо вопрос согласования приоритетов с участием всех субъектов культурной политики, укрепляет позиции самой культуры в общественном развитии.

Самостоятельность субъектов Российской Федерации позволяет региональным властям предлагать разнообразные решения актуальных проблем и включать их в концепции культурных политик, успешно реализуя их посредством социокультурных проектов, направленных на социокультурное развитие территорий. Расширяется спектр культурных услуг, которые осваиваются благодаря новым принципам функционирования учреждений культуры на муниципальном уровне. Несмотря на то, что на этом уровне управления большая нагрузка падает на менеджеров культуры, сегодня уже мало кто сомневается в необходимости проведения локальной культурной политики. Проекты, реализуемые на местном уровне, приобретают особое значение, поскольку являются звеном, соединяющим цели культурных политик разных уровней с запросами и интересами конкретного человека.

В целом можно говорить об эффективности концепции многоуровневого управления в России как наиболее соответствующей принципам демократии и гражданского общества. Однако следует иметь в виду, что «мода» на копирование получивших распространение в западных странах концепций, направленных против унитарной формы правления, приводит к тому, что не учитывается неоднородность и вариативность используемых решений. А это, между прочим, как раз и связано с желанием сохранить культурную специфику своей территории, ценности и традиции, разделяемые людьми, ее населяющими. Во многих европейских странах децентрализацией пронизаны все управленческие уровни, и речь уже идет «о полицентричном или многоцентровом управлении, о многостороннем управлении, о фрагментации, дроблении и разделении власти», – считают Л. Хуг, Г. Маркс²².

В качестве основных требований в культурной политике в этой социокультурной ситуации выдвигаются: создание условий для самоорганизации и управления сетями; постепенность перехода к многоуровневому управлению; возрастающая роль учреждений в управлении. Такой подход соответствует гибкости – важной характеристике и очевидном преимуществе многоуровневого управления, обеспечивающем особый способ организации политической, социальной и культурной сферы. Он строится вокруг человека, и его территории, создавая условия для самореализации²³.

Центральной проблемой при многоуровневом управлении становится осуществление координации разных сфер управления, выбор государством коммуникативной стратегии, обеспечивающей эффективность системы взаимодействия всех уровней власти. В настоящее время, как показывает практика, не исключены дублирование, либо «сбрасывание» функций на местный

уровень. Самым сложным оказывается отсутствие понимания границ свободы и зон ответственности.

Таким образом, в отличие от управления в сфере культуры как операциональной деятельности разных субъектов, направленной на реализацию конкретных целей, культурная политика не столь жестко рационализирована, если смотреть на нее с культурологических позиций. Действиям разных субъектов задаются широкие горизонты проявления творчества и индивидуальных подходов в рамках ценностно-смысловых координат. Поэтому и разработка концепции культурной политики и тем более ее реализация – сложнейший процесс, разворачивающийся во времени и включающий разностороннюю деятельность по согласованию культурных интересов разных социальных групп.

Примечания

¹ Каган М.С. О субстанции, строении и функциях культуры // Теория и практика культуры: альм. М., 2005. Вып.3. С. 23–38.

² Эпштейн М. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. С. 238.

³ Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С.277.

⁴ Там же. С.25.

⁵ Эпштейн М. Указ соч. С.238.

⁶ Вопрос о понимании культуры и ее структуре рассматривался нами ранее, см.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: региональная политика и механизмы самоорганизации. 2-е изд., расш. и доп. М.: Изд-во РАГС, 2004.

⁷ См.: Флиер А.Я. Мультикультуральность // Обсерватория культуры. 2008. № 2. С. 23, 25.

⁸ Лисаковский И.Н. Культурология: воздействия сильные и слабые // Социокультурное пространство: структура и процессы. М., 1996. С. 10–11.

⁹ См.: Каган М.С. О месте практической философии в системе философского знания // Каган М.С. Избр. тр.: в 7 т. СПб., 2006. Т.2: Теоретические проблемы философии. С. 545.

¹⁰ См.: Хэлд Д., Гольдблат Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М., 2004. С.435.

¹¹ Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М.: Академический проект, 2001. С. 64.

¹² См.: Востряков Л.Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С.5–6.

¹³ Подробнее см.: Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность в системе профессиональных компетенций культуролога // Культура и культурная политика: материалы научно-методологического семинара. Вып.6–7. Народная культура и молодежь; Экспертно-

аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций / под общ. ред. О.Н. Астафьевой, В.К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2009.

¹⁴ Подробнее о специфике экспертно-аналитической деятельности см. ст. Г.А. Аванесовой, А.В. Агошкова, О.Н. Астафьевой, А.П. Садохина, Е.А. Сайко, В.П. Шестакова и др. // Народная культура и молодежь. Культура и культурная политика / под общ. ред. О.Н. Астафьевой, В.К. Егорова. М., 2009.

¹⁵ Бунджулов А. Ученый и власть: реф. // Социальные науки в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже веков: сб. ст., обзоров, реф. М., 2004. С.81.

¹⁶ Размышления М.Фуко на эту тему содержатся в его статьях «Субъект и власть», «Интеллектуал и власти», включенных в сборник: Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч.3. Статьи и интервью. С.161–212.

¹⁷ Концепция «параметров порядка в культуре» изложена в ряде работ автора. См., к примеру: Астафьева О.Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии // Вопросы культурологии. 2006. № 12. С.18–27.

¹⁸ См.: Востряков Л.Е. Указ. соч. С.76–96.

¹⁹ Положение о Министерстве культуры Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 года № 406.

²⁰ См.: Розин В., Жежко И. Культура и культурная политика // Теоретические основания культурной политики. М., 1993. С.43–44.

²¹ См.: Аванесова Г.А. Динамика культуры. М., 1997. Вып.2. С.44. (Серия «Науки о культуре и человеке»).

²² Хуг Л., Маркс Г. Многоуровневое управление в ЕС (Multi Level Governance in EU: Unraveling the Central State, But How? Types of Multi-Level Governance. Institute for Advanced Studies, Vienna «Political Science Series» 87. March 2003 <http://www.ahs.ac.at> / Реф. обзор Л.В. Калинкиной // Государственная служба за рубежом: национальное государство в условиях глобализации. Реф. бюллетень. М.: Изд-во РАГС, 2004. № 3. С. 148.

²³ См.: Хуг Л., Маркс Г. Многоуровневое управление в ЕС (Multi Level Governance in EU: Unraveling the Central State, But How? Types of Multi-Level Governance. Institute for Advanced Studies, Vienna «Political Science Series» 87. March 2003 <http://www.ahs.ac.at> / Реф. обзор Л.В. Калинкиной // Государственная служба за рубежом: национальное государство в условиях глобализации. Реф. бюллетень. М.: Изд-во РАГС, 2004. № 3. С. 146–153.

Продолжение следует

По материалам издания: Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции.

М.: Изд-во РАГС, 2010. 69 с.

© Астафьева О.Н., 2010

Астафьева Ольга Николаевна,

доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего по научной работе
Кафедры культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации, заведующая Сектором стратегий социокультурной
политики Российского института культурологии (Москва)
e-mail: onastafieva@mail.ru

UDC 351.85

O. Astafieva

**CULTURAL POLICY:
THEORETICAL NOTION AND ADMINISTRATION
(Lectures 1–3)**

Abstract. The author addresses the issues of understanding culture and cultural policy as the topics of interdisciplinary research, the concept of cultural policy as the special type of administration. The stress is put on interdependence between public understanding of culture and practices of the state cultural governance. The foundations of cultural policy and mechanisms of its implementation are analysed in the context of socio-cultural transformations. The attention is given to the principals of the state cultural policy in contemporary Russia that develops in situation of multiculturalism, decentralisation and modernisation.

Key words: culture, cultural policy, cultural governance, cultural needs, cultural values, modernisation, cultural research

Astafieva Olga Nikolaevna,

Doctor in Philosophy, Professor,
Vice-Head for Research of the Department for Cultural Studies and Business Communications
at the Russian Academy for Public Administration by the President of the Russian Federation,
Head of the Department for Strategies of Sociocultural Policies
of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: onastafieva@mail.ru